

Отрывок — эпизод 1 из 5

Комната в доме Марьи Александровны.

Марья Александровна
, пожилых лет дама, и
Михал Андреевич
, ее сын.

Марья Александровна
. Слушай, Миша, я давно хотела с тобою переговорить: тебе должно переменить службу.

Миша
. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна
. Ты должен служить в военной.

Миша
(вытаращив глаза).
В военной?

Марья Александровна
. Да.

Миша
. Что вы, маменька? в военной?

Марья Александровна
. Ну что ж ты так изумился?

Миша
. Помилуйте, да разве вы не знаете: ведь нужно начинать с юнкеров?

Марья Александровна
. Ну да, послужишь год юнкером, а потом произведут в офицеры, — уж это мое дело.

Миша
. Да что вы нашли во мне военного? и фигура моя совершенно невоенная. Подумайте, матушка! Право, вы меня изумили такими словами совершенно, так что я, я... я просто не знаю, что и подумать... Я, слава Богу, и толстенок

немножко, а как надену юнкерский мундир с короткими хвостиками — совестно даже будет смотреть.

Марья Александровна

. Нет нужды. Произведут в офицеры, будешь носить мундир с длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, так что ничего не будет заметно. Притом это и лучше, что ты немножко толст, — скорее пойдет производство: им же будет совестно, что у них в полку такой толстый прапорщик.

Миша

. Но, матушка, ведь мне год, всего год осталось до коллежского асессора. Я уже два года, как в чине титулярного советника.

Марья Александровна

. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранит мои уши; мне так и приходит на ум Бог знает что. Я хочу, чтобы сын мой служил в гвардии. На штафирку просто не могу и смотреть теперь!

Миша

. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще в школе звали хомяком. В военной службе все же нужно, чтобы и на лошади лихо ездил, и голос бы имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию.

Марья Александровна

. Приобретешь, всё приобретешь. Я хочу, чтобы ты непременно служил; на это есть очень важная причина.

Миша

. Да какая же причина?

Марья Александровна

. Ну, уж причина важная.

Миша

. Все же таки скажите, какая причина?

Марья Александровна

. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьего дни у Рогожинских говорит, и нарочно так, чтобы я слышала. А я сижу третьею, передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина, и за княгиней Александриной сейчас я. Что бы, ты думал, эта негодная осмелилась говорить?.. Я, право, так и хотела встать с места; и если

б не княгиня Александрина, я бы не знаю, что я сделала. Говорит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штатских. Это такие всё, говорит, mauvais genre, чем-то неблагородным от них отзывается. Я рада, говорит, что мой Алексис не носит этого скверного фрака». И все это произнесла с таким жеманством, с таким тоном... так, право... я не знаю, что бы я сделала с нею. А ее сын просто дурак набитый: только всего и умеет, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша

. Как, матушка, так в этом вся причина?

Марья Александровна

. Да, я хочу назло, чтобы мой сын тоже служил в гвардии и был бы на всех придворных балах.

Миша

. Помилуйте, матушка, из того только, что она дура...

Марья Александровна

. Нет, уж я решилась. Пусть-ка она себе треснет с досады, пусть побесится.